

С.М. Левин

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД: ФИКЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Левин Сергей Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: serg.m.levin@gmail.com

Одним из ключевых вопросов, который возникает при рассмотрении нарративного подхода, является вопрос о соотношении нарратива и реальности. Во-первых, необходимо определить критерии истинности нарратива, чтобы исключить подмену автобиографии фантастическими историями. Во-вторых, следует выявить онтологический статус героя нарратива и критерии его существования. Автор настоящей статьи утверждает, что нарративный подход подразумевает антиреализм относительно личности, который, как следствие, несовместим с утверждением о ее четырехмерности.

Ключевые слова: тождество личности, нарративный подход, фикция, реальность, аналитическая философия

Статья Дмитрия Волкова замечательна тем, что она унифицирует, систематизирует и проясняет нарративный подход к проблеме тождества личности. Если в остальных подходах к данной проблеме легко прослеживаются их основные положения, то в случае с нарративным подходом присутствует разобщенность и неясность. Под разобщенностью я имею в виду то, что теории авторов, которых причисляют к «нарративистам»: Дэниел Деннет, Мария Шехтман, Аласдер Макинтайр, Поль Рикёр и др. – настолько по-разному сформулированы, что найти в них отличия легче, чем основания для объединения в одну категорию. Под неясностью – то, что понятие нарратива почти не используется в обыденной речи. Как следствие, требуется прояснение того, что подразумевается под отождествлением личности и героя нарратива. Это отличает нарративную теорию от других популярных подходов, где «я» отождествляется с такими интуитивно знакомыми понятиями, как душа, организм или память. Статья Волкова – это большой шаг в сторону исправления указанных трудностей нарративного подхода.

Ключевыми внутренними понятиями нарратива Волков называет единую динамическую перспективу, интеллигибельность и телеологическую направленность. Единая динамическая перспектива – это в первую очередь

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00840.

биологический феномен. Динамическая перспектива от первого лица может присутствовать не только у людей, но и у животных. Телеологическая направленность – это в большей степени социальный артефакт, который для полноценной реализации требует языка. Интеллигибельность занимает промежуточное положение. Характер, желания, ментальные причины в качестве наилучшего объяснения поведения присутствуют и у животных, однако, включение данных феноменов в языковые игры позволяет использовать недоступные без этого концепты интеллигибельности.

В целом соглашаясь с предложенными в статье Волкова идеями и критериями, кажется необходимым критически прокомментировать пару моментов.

Рассказывая о внешних критериях нарратива, Волков определяет критерий правдоподобия как совпадение «с описаниями от третьего лица других участников и свидетелей событий». Такое определение без специальных оговорок релятивизирует нарратив и делает его зависимым от изложения фактов другими людьми. Описания других людей могут быть надежным инструментом, но они не безошибочны и могут расходиться с реальностью. Легко вообразить ситуацию, в которой все люди вокруг ошибаются относительно фактов нашей жизни. Критерий правдоподобности требует осторожности, и его следует интерпретировать как ограничение нарратива нашим знанием реальности, а не рассказами других людей о реальности. Рассказ может быть ошибочен, знание предполагает истинность. Более того, сама Мария Шехтман пишет об этом критерии как о “reality constraint”¹, что ближе по смыслу переводить как «ограничение реальностью», а не «ограничение правдоподобием».

Главным пунктом, требующим комментария, выступает утверждение о четырехмерном характере нарратива. Волков пишет: «Нарративисты представляют личность целостным протяженным во времени объектом», – и ссылается на статью Патрика Стокса “Is Narrative Identity Four-Dimensionalist?”². Остается непонятным, что по этому поводу думает сам Волков: что нарратив сконструирован таким образом, что его герой выступает протяженным во времени и пространстве объектом или личность на самом деле – это четырехмерный объект? Вопрос о метафизическом статусе героя нарратива может быть решен по-разному в реалистическом и антиреалистическом ключе. Последний вариант, антиреалистический, исходит из того, что личность – это фикция, первый, реалистический, интерпретирует личностный нарратив как обладающий некоторыми реальными предикатами. Постулирование четырехмерного характера личности без специальных оговорок делает нарративный подход в большей степени реалистическим и сближает его с другими подходами к тождеству личности.

Сильная сторона нарративного подхода, на мой взгляд, это антиреалистическое решение вопроса о личности. Нарративный подход отказывается от попыток отождествления «я» с некоторым ментальным или физическим объектом в мире. То, на что указывает местоимение «я», – это конструкция, возникающая в подходящем социально-биологическом контексте. Нарратив личности позволяет нам структурировать жизнь так, как это было бы невозможно без него – без концепции себя, ценностей, целей и истории. То есть содержание нарратива оказывает прямое воздействие на действительность. Также то, что мы знаем о нарративе других личностей, позволяет выстраи-

¹ Schechtman M. The constitution of selves. Ithaca, 2007. P. 112.

² Stokes P. Is Narrative Identity Four-Dimensionalist? // European Journal of Philosophy. 2012. Vol. 20. P. 86–106.

вать с ними разнообразные отношения – от враждебных до дружелюбных. Одним из правил нарратива является то, что его герой перемещается во времени и пространстве, такое перемещение в большинстве случаев совпадает с перемещением живого тела героя. Однако перемещение самого нарратива не имеет столь явного физического коррелята подобно тому, как его не имеют музыкальные композиции, песни, акции, деньги, законы и другие факты социальной реальности.

Представим ситуацию, в которой у меня имеется купюра в сто рублей. Перемещение этой купюры в пространстве и времени кажется простым и непроблематичным. Для удобства люди говорят, что ценность купюры номиналом сто рублей перемещается вместе с купюрой. При этом сто рублей в строгом онтологическом смысле не тождественны купюре, и понимание их как четырехмерного объекта, протяженного в пространстве, ошибочно. Если купюра износится и в банке зачислят сто рублей на мой расчетный счет с изъятием и уничтожением износившейся купюры, то станет непонятно, куда в пространстве переместились мои деньги. При этом сумма денег в моей собственности, как и общая денежная масса в стране, после этой операции остаются неизменными. У личностей, в отличие от денег, есть персонифицирующие признаки. Все рубли одинаковы, личности отличаются друг от друга. Общее между деньгами и личностями в том, что и то, и другое – это полезные фикции, которые не существуют в пространстве и времени в том же смысле, что и физические объекты.

Говоря о четырехмерности нарратива, необходимо соблюдать осторожность и уточнять, что в пространстве и времени перемещается герой нашего нарратива, а не сам нарратив. Также стоит понимать, что в пространстве перемещается тело, а личность перемещается вместе с ним условно в рамках принятой конвенции личных нарративов. Так как личность для нарративного подхода не занимает никакого физического места в мире, она меняет свои пространственные характеристики аналогично тому, как на дороге вслед за автомобилем перемещается безопасная дистанция до него. Если не делать соответствующих уточнений, то нарративный подход окажется привязан к конкретным физическим или ментальным объектам и, как следствие, будет открыт для многих критических аргументов, которые в нем самом используются против конкурирующих подходов.

Список литературы / References

Schechtman, M. *The constitution of selves*. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 169 pp.

Stokes, P. “Is Narrative Identity Four-Dimensionalist?”, *European Journal of Philosophy*, 2012, Vol. 20, pp. 86–106.

Narrative identity: fiction and reality*

Sergei M. Levin

National Research University Higher School of Economics. 16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint-Petersburg, 190008, Russian Federation; e-mail: serg.m.levin@gmail.com

* This study has been completed with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 18-011-00840.

One of the key questions of narrative identity is the question of the relationship between narrative and reality. In the first place, in order to exclude that autobiography gets substituted with fantastic stories, it is necessary to determine its truth conditions. Then the ontological status of the protagonist of the narrative needs to be defined, as well as the conditions of its existence. In this paper, I argue that narrative approach implies anti-realism in relation to personality and, consequently, is incompatible with the assertion of its four-dimensionality.

Keywords: personal identity, narrative approach, fiction, reality, analytic philosophy